

Шутка как психотехническое средство нарративного понимания межличностных отношений

М.М. Елфимова

Оренбургский государственный педагогический университет Оренбург, Россия

Поступила 24 января 2018 / Принята к публикации: 17 сентября 2018

Joke as psychotechnical tool of narrative understanding of the interpersonal relations

Mariya M. Elfimova

Orenburg State Pedagogical University Orenburg, Russia

Received January 24, 2018 / Accepted for publication: September 17, 2018

Актуальность (контекст) тематики статьи. Обращение к фасилитирующим практикам подразумевает предоставление человеку возможности собственного субъектного смыслоконструирования, а также поиск консультантом таких инструментов работы, которые позволят клиенту «идти за собой, сохраняя отношения с другим». Проблема поиска психотехнических средств, адекватных сотрудничающим, диалогическим отношениям, приводит нас к обращению к комическому материалу (юмору), а именно, к одной из его форм – шутке.

Цель нашей работы – опираясь на культурно-историческую концепцию и нарративный подход в психологии, а также на идеи планомерно-поэтапного формирования действий, обосновать возможности шутки как инструментального средства нарративного понимания межличностных отношений клиента и консультанта.

Описание хода исследования. Уточняется понятие «межличностные отношения». Конкретизируются характеристики самого «понимания межличностных отношений». Проводится рассмотрение «смехового действия» как действия, ведущего к пониманию межличностных отношений, а шутки как психотехнического средства, опосредствующего терапевтические отношения клиента и консультанта.

Результаты исследования. «Понимание межличностных отношений» определяется как выделение способа (схемы-ориентировки), который приводит к оформлению того или иного суждения о складывающихся отношениях. Юмор рассматривается как способ отношений и понимания (ориентации) в межличностной коммуникации, реализация которого происходит через знаково-символическую конструкцию – шутку. Помещение проблемы рассмотрения шутки в фокус нарративного подхода дает возможность увидеть дополнительные характеристики ее инструментальности, которые могут быть заведены в схему ориентировочной основы коммуникативного действия.

Выводы. Привлечение шутки в консультативное взаимодействие в качестве психотехнического средства позволяет делать определенные высказывания или утверждать необходимость каких-либо действий с позиции равенства, не ограничивая личную свободу человека. Благодаря шутке, взаимодействие с консультантом становится понятным для клиента в своих интенциях, интересах, ценностно-смысловых ориентировках и, вместе с тем, сохраняется люфт для корректировки собственных суждений и действий.

Ключевые слова: межличностные отношения, юмор, смеховое действие, шутка, нарратив, психотехнические средства, психосемантика.

Background. The address to facilitating practice means granting to the person of a possibility of constructing individual sense and searching for such instruments of work by the consultant which allow the clients “to go and keep the relations with others”. The issue of searching for psychotechnical means adequate to correspondent ones, and to dialogue relations, turns us to humour and one of its forms, i.e. a joke.

Objective. Guided by the cultural and historical concept and narrative approach in psychology and also by the ideas of systematic and stage-by-stage action development we are to prove joke as a tool of narrative understanding of the interpersonal relations.

Design. The concept of ‘interpersonal relationship’ is clarified. The features of the ‘understanding interpersonal relations’ are specified. A review of ‘laughing’ as behaviour leading to an understanding of interpersonal relations, and a joke as a psycho-technical tool mediating the therapeutic relationship between a client and a consultant, is conducted.

Results. ‘Understanding interpersonal relationships’ is coined as highlighting a method (scheme) that leads to a judgment about the developing relationship. Humour is considered as an attitude and understanding (orientation) in interpersonal communication whose purpose occurs through a sign-symbolic construction, i.e. a joke. Considering joke in the focus of the narrative approach provides an opportunity to see additional features of it as a tool, which can be included in the outline of the indicative basis of a communicative process.

Conclusions. Using joke in advisory interaction as psychotechnical tool allows us to make certain statements, or to call for certain behaviour from the equality position without limiting individual freedom of the person. Due to joking the consultant’s intensions, interests, valuable and semantic orientations are getting more transparent and, the client’s judgments and behavior can be corrected easily.

Keywords: understanding interpersonal relationships, humour, laughing, joke, narrative, psychotechnical means.

Введение

Что позволяет аккуратно заходить на территорию развития смысла другого человека, обеспечивать понимание разворачивающихся отношений между консультантом и клиентом в уважительном, не экспертном и не интерпретирующем ключе? Каким при этом должно быть то психологическое средство, которое предлагается клиенту, насколько оно понятно, насколько устойчив способ, который будет «присваиваться» клиентом в консультативном взаимодействии? Обеспечивает ли это средство нарративную сложность понимания всей многослойности и неоднозначности переживаемых человеком отношений? Дает ли возможность обратиться к переживаниям эмоционально-значимых моментов в отношениях взаимодействующих субъектов, а, следовательно, сигнализирует об истинности происходящего в отношениях и об интенции «быть с Другим» (Елфимова, 2015)?

Шутка «обязана» быть понятой, иначе она не произведет эффекта, даже если мотивировка шутящего носила узколичностный характер. Отметим, что в разных предметных контекстах чувство юмора уже не раз становилось предметом рассмотрения

Поиск таких психотехнических средств приводит нас к обращению к комическому материалу (юмору), а именно, к одной из его форм – шутке. Что отчасти побудило нас обратиться именно к этой знаково-символической конструкции? Это тот факт, что шутка «обязана» быть понятой, иначе она не произведет эффекта, даже если мотивировка шутящего носила узколичностный характер. Отметим, что в разных предметных контекстах чувство юмора уже не раз становилось предметом рассмотрения. Изучались функция комического как посредника в эмоциональном овладении собственной психи-

ческой деятельностью (Бороденко, 1995), психодиагностические и регулятивные возможности юмора в экстремальных условиях (Дедов, 2000), влияние уровня семиотической организации анекдота на переживание национальной идентичности (Копылкова, 2006), чувство комического как фактор оптимизации эмоционально-нравственного развития детей дошкольного возраста (Попова, 2006), клинические исследования чувства юмора (Иванова, Ениколопов, Митина, 2008), (Стефаненко, Ениколопов, Иванова, 2014), ослабление этнической предубежденности, основанное на использовании юмористического материала (Арбитайло, 2008), когнитивные механизмы понимания комического (Щербакова, 2019), юмор как фактор профессионального здоровья (Буенок, 2014); юмор как психологическое орудие личностной регуляции (Домбровская, 2014). Основная концептуальная нагрузка в исследованиях распределяется между рассмотрением

самого юмора как когнитивного феномена и его терапевтической функции. Лишь небольшой процент составляют исследования его развивающего функционала. Мы разделяем позицию ряда исследователей (М.В. Бороденко, И.С. Домбровская, Д.А. Леонтьев) считающих, что данная функция юмора в полной мере может быть развернута и обоснована методологией российской психологии – культурно-историческим подходом с его идеей об орудийности развития высших психических функций, об «орудиях-органах», которые «не просто дают нам некоторое представление о мире, а порождают в нас

новый личностный опыт, определенные состояния и качества, которых без нашего взаимодействия с ними не было и быть не могло» (Бужас, 2000, С. 96), и концепцией планомерно-поэтапного формирования действия П.Я. Гальперина.

Задачи предлагаемого теоретико-концептуального исследования:

- 1) конкретизация того, что будет подразумеваться под «пониманием межличностных отношений»;
- 2) рассмотрение юмора как способа понимания (ориентировки) межличностных отношений;
- 3) показ возможностей шутки как инструментального психотехнического средства развития понимания межличностных отношений, основываясь на культурно-исторической концепции, нарративном подходе в психологии и идее планомерно-поэтапного формирования действий.

Теоретико-концептуальное исследование

Учитывая, что наш основной замысел подразумевает обнаружение теоретико-концептуальных оснований и средств развития понимания межличностных отношений, а не открытие их новой феноменологии, возьмем за основополагающее следующее их определение. Межличностные отношения – это «объективно проявляющиеся взаимосвязи людей, отраженные в содержании и направленности реального их взаимодействия и общения и порождающие субъективное видение своей позиции и положения других, что, в свою очередь, “задает” определенный характер межличностных связей» (Кондратьев, Ильин, 2007, С. 255). Отличительными же признаками самого понимания выступают: «1) включение понимаемого в более широкий контекст, способствующий порождению смысла того, что нужно понять; 2) соотнесение объекта понимания с ценностно-нормативными представлениями понимающего субъекта, его суждениями о том, какой, в соответствии с законами физического и социального мира, должна быть воспринимаемая и понимаемая ситуация» (Знаков, 2005, С. 36). Таким широким контекстом, если мы говорим о понимании межличност-



Мария Михайловна Елфимова –

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры возрастной и педагогической психологии Оренбургского государственного педагогического университета
E-mail: elfimovamarya@yandex.ru
http://old.ospu.ru/universitet/struktura/fakultety/fakultet-psikhologii/kafedra-vozzrastnoy-i-pedagogicheskoy-psikhologii/elfimova-mariya-mikhaylovna/

ных отношений, на наш взгляд, выступает не только констатация каких-либо характеристик двунаправленных отношений понимающего и понимаемого (по ходу взаимодействия или ретроспективно), но и построение такого способа взаимодействия с другим человеком, при котором открывается то, что «раньше было скрыто или плохо различимо, а именно – существенные отношения» (Егорова, 2009, С. 96). То есть становится «видимым» то, на что «ориентируется человек, когда он размышляет о чем-то, и какими средствами ориентировки он пользуется, и к каким результатам он приходит или может прийти» (Гальперин, 2002, С. 63). «Когда действие становится умственным ... ориентировочная часть превращается в “понимание”» (Гальперин, 1958, С. 34). Повторим, что в нашем случае это предполагает выделение самого способа (схемы-ориентировки), который привел к оформлению того или иного суждения о складывающихся отношениях. При этом синхронный учет двух плоскостей ценностных нормативов: понимающего и понимаемого дает возможность повысить объективность приобретаемого знания. То есть определить, находился ли понимающий в позиции «неэкспертности» или же его познание Другого и отношений с ним регулировал какой-то ценностно-смысловой «фильтр». При этом субъект всегда учитывает фокус своего намерения – сохранять эти отношения с Другим, двигаясь по этой схеме или же, наоборот, дистанцироваться в них от Другого.

Наложение определения и основных критериев понимания позволяет нам далее конкретизировать характеристики самого «понимания межличностных отношений». К ним относятся:

- целостность понимаемых отношений, обеспечивающаяся позиционностью действия как тройственного, удерживающего одновременно свою и иную точку зрения (позиции) и саму ситуацию взаимодействия (ее контекст);
- эвристичность процесса понимания межличностных отношений, заключающаяся в том, что на каждом последующем «целостном уровне познания происходит скачкообразное приращение знаний, открывающих ясную картину связей и взаимоотношений» (Дмитриев, Сычев, 2005, С. 212). Когда

«идет непрерывное движение в живой коммуникации мысли, которая не сводится к чему-то уже известному и понятному, а все время соотносится со своим же собственным живым опытом, разворачивает и углубляет его. Характерно, что в такой коммуникации не бывает, как правило, никакого предварительного образа результата. Здесь и субъект, и ведущий погружены в со-творчество, и у того, и у другого совершается некоторое “приращение себя”» (Бужас, 2000, С. 106);

- диалогическая интенциональность как ориентированность и обращенность к Другому. Проявляется в выходе за собственные границы – «на границах с миром рождается переживание собственной личности, они показывают субъекту, где он заканчивается и начинается кто-то другой, то есть ориентируют растущего человека в мире других людей» (Нартова-Бочавер, Силина, 2014, С. 16);
- вероятностное прогнозирование и способность рассуждать о дальнейшем ходе и смысле коммуникации.

Рассматривая выделенные характеристики как результат состоявшегося понимания межличностных отношений, нам представляется важным задаться вопросом, что за обобщенное действие может обеспечивать такой результат, а в терминологии П.Я. Гальперина, «продукт» (Гальперин, 2002)? Действие характеризуется, прежде всего, своим продуктом, «поэтому вначале вы указываете продукт, который должен быть достигнут, с определенными показателями этого продукта, затем действие, которое ведет к этому продукту» (Гальперин, 2002, С. 168). В качестве такого действия мы предлагаем рассмотреть «смеховое действие». «Смеховые действия – это действия символического типа, которые могут рассматриваться как особые знаки, содержащие самоотрицание, допускающие свободу выбора взаимоположенных вариантов интерпретации. Смешение смыслов создает измененное состояние сознания, не критичность, что является лучшей почвой для внесения нового смысла, новой установки» (Бороденко, 1995, С. 10). У М.М. Бахтина это описывается через идею карнавального действия, карнавального смеха, который всегда открыт изменению и развитию, в котором истина открывается в процес-

се становления и самоотрицания. «Карнавальный смех, во-первых, всенароден ... , смеются все, это – смех “на миру”; во-вторых, он универсален, он направлен на все и на всех (в том числе, и на самих участников карнавала), весь мир представляется смешным, воспринимается и постигается в своем смеховом аспекте, в своей веселой относительности; в-третьих, наконец, этот смех амбивалентен: он веселый, ликующий и – одновременно – насмешливый, высмеивающий, он и отрицает и утверждает, и хоронит и возрождает. Таков карнавальный смех. Отметим важную особенность народно-праздничного смеха – этот смех направлен и на самих смеющихся. Народ не исключает себя из становящегося целого мира. Он тоже незавершен, тоже, умирая, рождается и обновляется» (Бахтин, 1990, С. 17). Юмор выступает способом принятия противоречия, двусмысленности, свойственных межличностным отношениям, способом, позволяющим играть с несоответствием в отношениях. «Одновременно выражая противоположные значения, юмористический способ коммуникации дает общие концептуальные рамки, которые сводят вместе противоречия вместо того, чтобы избегать их» (Род, 2009, С. 144).

Включение юмористической составляющей в консультативный процесс не с позиции компенсаторного или «катарсического» действия, а с позиции, когда перестраиваются, диалогизируются отношения взаимодействующих, а юмор становится «средством развития регуляции, ресурсом развития личности и средством, подчиненным цели развития» (Домбровская, 2014), еще только набирает обороты и получает свое опытно-экспериментальное подтверждение. Приведем несколько примеров подобных исследований. Так, В. Саламех обнаруживает, что, если юмор сфокусировать на проблеме клиента, он «работает» на контакт (диалог) с терапевтом и становится фасилитирующим условием самоисследования клиента (Salameh, 1983). Обосновав идею знаковой природы комического, а именно, тот факт, что его основу образует контрзнак (средство деформации уже существующих знаков), М.В. Бороденко экспериментально иллюстрирует его посредническую функцию в эмоциональном овладении собственной

Юмор рассматривается нами как способ отношения и понимания (ориентации) в межличностной коммуникации. Реализовываться он может через разные конкретные знаково-символические конструкции, которые первоначально выступают как внешние опоры. Мы считаем возможным в качестве такой знаково-символической опоры рассматривать шутку

психической деятельностью (Бороденко, 1995). Юмористический образ, согласно позиции Н.П. Дедова, «аккумулирует в себе субъектное начало, включающее специфическую организацию целостной индивидуальности, стратегию поведения и регуляторные способности личности» (Дедов, 2000, С. 9). Это позволяет работать с психическим состоянием человека, находящимся в экстремальной ситуации. Опосредствованная, через конструирование комического, совместная деятельность экспериментатора и ребенка становится условием коррекции (снижения) его тревожности (Кутепова, 2001).

Отметим, что при всей специфике привлечения юмора, юмористического материала во всех отмеченных исследованиях, общий момент этого привлечения заключается в перестройке всей коммуникации, разворачивающейся между экспериментатором и испытуемым. Мы, вслед за А.Л. Венгером, А.Б. Холмогоровой, В.К. Зарецким и В.И. Цыбулей, продолжаем традицию рассмотрения консультирования и психокоррекции как совместной деятельности консультанта и клиента, как совместного построения такого способа взаимодействия с другим человеком, при котором открывается то, что раньше было скрытым

в такой знаково-символической опоры рассматривать шутку. С позиции культурно-исторической психологии и деятельностного подхода построение и сообщение шутки осуществляется как открытое действие и способ включения Другого во взаимодействие. Уточним это следующими положениями.

Во-первых, шутка как средство позволяет перемещаться в зоне ближайшего развития взаимодействующих субъектов, то есть в зоне сотрудничества. «Использование той или иной шутки для поведения адресата является своеобразной тактикой адресата, позволяющей ему совершать определенную прескрипцию с позиции равенства, не ограничивая личную свободу индивида и избегая непосредственного вторжения в его волевую сферу. Автор намеренно избегает директивных речевых актов, предпочитая им косвенные, создаваемые в рамках игровой конвенции юмористического дискурса» (Месропова, 1999, С. 15). В.А. Винокур, обращаясь к феноменам внутригрупповой иронии и юмора, часто наблюдаемым в процессе балинтовской сессии, подчеркивает такие их важные потенциальные характеристики, «как их ориентация вовне, на собеседника, по-

шутка, в отличие от анекдота, не является готовым текстом, она конструируется в определенных обстоятельствах, отстраивается под конкретную ситуацию, а значит, представляет собой, как минимум, полную, обобщенную систему ориентировочной основы коммуникативного действия, самостоятельно составляемую субъектом в каждом конкретном случае

или плохо различимым. В процессе взаимодействия с консультантом клиент осваивает способ действия с предлагаемым психологическим средством или знаково-символической конструкцией.

Таким образом, юмор рассматривается нами как способ отношения и понимания (ориентации) в межличностной коммуникации. Реализовываться он может через разные конкретные знаково-символические конструкции, которые первоначально выступают как внешние опоры. Мы считаем возможным в качестве

сколькx смееющегося интересует, прежде всего, кто-то другой, находящийся с ним в диалоге, но составляющей ему определенную оппозицию» (Винокур, 2015, С. 118). Прознесенная человеком шутка – это перекинутый мостик для Другого, приглашение увидеть неоднозначность ситуации, ее оценки. Она привносится в отношения и предлагается как средство взаимодействия.

Во-вторых, через шутку отношения опосредствуются. С учетом состава акта опосредствования, по Б.Д. Эльконину

осуществление смехового действия предполагается:

- 1) учет обстоятельств отношений, в которые привносится шутка;
- 2) «экранность», предполагающая, что подшучивающий (действующий) «видит» (слышит) свое действие (текст шутки как знак);
- 3) «полнота и целостность ситуации действия» (Эльконин, 1994, С. 134).

Обратим внимание, что подшучивание в таком случае предстает как ориентировка с ее сложной структурой, включающей «образ ситуации действия, образ исходного объекта действия, образ конечного результата, образ самого действия и его ключевых моментов и, наконец, качество средств и орудий для выполнения действия» (Обухова, 2010, С. 6). Шутка становится опорой перехода от действия одного человека к действию другого, опорой «строения роли своего действия в ориентировке действия другого человека и, наоборот, роли действия другого человека в ориентировке своего действия» (Эльконин, 1994, С. 109–110).

В-третьих, шутка, в отличие от анекдота, не является готовым текстом, она конструируется в определенных обстоятельствах, отстраивается под конкретную ситуацию, а значит, представляет собой, как минимум, полную, обобщенную систему ориентировочной основы коммуникативного действия, самостоятельно составляемую субъектом в каждом конкретном случае. Движение по этой схеме (сценарию) должно привести участников взаимодействия к обнаружению двойного смысла ситуации, поскольку в шутку заведены сразу две опоры для интерпретации оппозиционных ситуаций (Бревдо, 1990). «Когда человек пытается понять шутку, активизируется внутренний сценарий, чтобы имели смысл события, описанные в основной части шутки. Однако кульминационный пункт шутки вводит элементы, которые несовместимы с этим первым сценарием, что заставляет человека переключиться с одного сценария на другой. Кульминационный пункт шутки заставляет слушателя вернуться назад и понять, что с самого начала была возможна другая интерпретация (то есть альтернативный сценарий)» (Род, 2009, С. 117).

Помещение проблемы рассмотрения шутки в фокус нарративного подхо-

да, на наш взгляд, дает возможность увидеть дополнительные характеристики ее инструментальности, которые могут быть заведены в схему ориентировочной основы коммуникативного действия, то есть когда шутка привлекается как психотехническое средство. Инструментальность любой знаково-символической конструкции определяется следующими критериями, выделенными Л.С. Выготским и его последователями:

- 1) «в инструментальном акте проявляется ... активность по отношению к себе» (Выготский, 1960, С. 228);
- 2) применение вспомогательных средств, «будучи включено в процесс поведения, ... видоизменяет все протекание и всю структуру психических функций, определяя своими свойствами строение нового инструментального акта» (Выготский, 1960, С. 225);
- 3) появление внутреннего плана действия, то есть ориентировки «на характер и результат действий другого человека – партнера или конкурента ... Как я должен поступить, если он так ... Что он в это время делает? Это механизм, координирующий совместную деятельность при наличии общей цели» (Эльконин, 1989, С. 499).

«Нарратив» (от англ. и франц. – «рассказ», «повествование») – исторически и культурно обоснованная интерпретация какого-нибудь аспекта мира с позиции автора (некоторой человеческой личности), представляет собой историю, в которой отражается опыт написавшего/озвучившего ее человека. Под нарративным текстом понимается повествование, имеющее автора, нарратора (рассказчика). С. Аггардо рассматривает жанр шутки как рассказ о событии с неожиданной концовкой (Attardo, 1998). М. Флудерник определяет шутку как нарратив особого рода – микронарратив (Fludernik, 2006). А.И. Афанасьев, И.Л. Василенко акцентируют, что смешное всегда имеет нарративную форму, свернутую в виде шутки или короткой реплики (Афанасьев, Василенко, 2006).

Обратимся к тем характеристикам нарратива, которые позволяют, в первую очередь, увидеть в нем психотехническое средство отстраивания понимания межличностных отношений.

1. Барский Ф.И., давая определение и выделяя структуру нарратива, отмечает, что рассказываемые истории подчиняются определенной системе правил, «которые вместе составляют “грамматику истории”: обстановка, запускающее событие, внутренний отклик, попытка, последствие, реакция» (Барский, 2009). Тем самым, нарратив является темпоральной формой «успешной в схватывании смысла прожитого времени» (Брунер, 2005, С. 10). В нашем понимании это предполагает учет контекста построения нарратива, как ответ на вопрос: почему именно в данный момент времени возникла потребность в наррации, в появлении «смеси скандала и чуда» (Уайт, 2010). «Должно быть событие какого-то начала какого-то [общего] языка. ... Это уплывающее от нас событие должно быть поймано – как начало истории, как перелом» (Барский, URL: <https://narrlibrus.wordpress.com/2009/08/16/def-structure/>).
2. Следующим важным моментом является то, что у каждой истории есть свой рассказчик и своя реальная (или представляемая) аудитория. Наррация всегда предполагает присутствие в ситуации слушателя – лица, к которому обращается рассказчик. Причем, это не только то лицо или конкретный человек, который находится сейчас непосредственно в ситуации коммуникации. Это и сам повествующий, он также становится для себя персонажем действия, находясь в ситуации «здесь-и-теперь». Именно он (автор) определяется с моментом интенции, на нем ответственность проявленного намерения сообщить текст. «Человеческая интенциональность лежит в самом сердце нарратива и, таким образом, развитие интенциональности у людей представляет особую важность для обеспечения психических условий, необходимых для рассказывания и понимания историй» (Макадамс, 2008, С. 140).
3. Необходимо принципиально указать, что все истории характеризуются наличием «двойного ландшафта». «Нарратив, даже самый примитивный, разворачивается в двойственном ландшафте ... Существует ландшафт действия, в котором разворачиваются события. ... Но есть и второй ландшафт, ландшафт сознания, внутренняя речь протагониста,

включенного в действие. ... Дуальность ландшафта, говорит нам Греймас, является сущностной составляющей нарратива ...» (Брунер, 2005, С. 26). Эту же идею мы находим и у М.М. Бахтина. Давая характеристику нарративного произведения, М.М. Бахтин вносит уточнение: «Перед нами два события – событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания (в этом последнем мы и сами участвуем как слушатели-читатели); события эти происходят в разные времена (различные и по длительности) и на разных местах и, в то же время, они неразрывно объединены в едином, но сложном событии, которое мы можем обозначить как произведение в его событийной полноте» (Бахтин, 1975, С. 403–404).

4. Нарратив – это форма объективации смысла, прецедентный модус, которым руководствуется человек. Как языковая конструкция нарратив «выступает в качестве необходимого условия приобретения знания, в том числе, знания нравственного порядка» (Турушева, 2016, С. 26). Нарратив выполняет роль своеобразного фильтра, становится «культурной линзой» которая задает ракурс восприятия и осмысления социальной реальности. «Выживание в мире смыслов и значений было бы проблематичным, не будь у нас способности сочинять и интерпретировать истории о переплетениях человеческих жизней» (Сарбин, 2004, С. 11).
5. Обретая собственную стилистику описания опыта своих переживаний, субъект наррации обретает возможность выйти за пределы «знаемого», по-новому его увидеть, по-новому увидеть себя. «История – это всегда отношение к автору» (Барский, URL: <https://narrlibrus.wordpress.com/2009/08/16/def-structure/>).
6. Создаваемая субъектом нарративная конструкция должна развивать повествование по направлению к смысловому конечному результату, то есть постоянно иметь в виду цель сообщаемого текста (Знаков, 2013).
7. Как текст нарратив являет собой знаковую систему, которая первоначально разделена между людьми, а впоследствии интериоризируется (Преображенская, 2009). Дж. Брунер отмечает, что

Индивидуальное сознание, привлекая шутку как культурную знаково-символическую форму, обретает не только культурное «средство», но и формообразующую структуру, сопричастие которой перестраивает весь процесс понимания отношений

«способы говорения и способы концептуализации, соответствующие им, становятся настолько привычными, что в результате становятся средством для структурирования самого опыта, для прокладывания путей в память, не только управляя жизненным описанием настоящего, но и направляя его в будущее» (Брунер, 2005, С. 28).

Заключение

Опираясь на вышесказанное, обозначим те характеристики, которые теперь дают нам возможность увидеть в шутке инструментальное средство нарративного понимания межличностных отношений.

Во-первых, и это один из основных критериев, по которому шутку можно отнести к нарративам, у шутки есть автор, ее кто-то рассказывает. «Адресант шутки всегда непосредственно присутствует в дискурсе, именно он является создателем текста» (Месропова, 1999, С. 17). Позиция автора в шутке-нарративе является его организующим началом. Иницируя нарратив через шутку, адресованную Другому, автор в этот момент приобретает возможность что-то понять и о себе, это он организовал «место встречи» (Барский, URL: <https://narrlibrus.wordpress.com/2009/08/16/default-structure/>). Происходит, своего рода, самопонимание, центрированное на Другом. «Умение познать и умение выразить себя. ... Элементы выражения, в них скре-

всегда характеризуется своей «двусубъектностью», в нее заведено намерение взаимодействовать и «открыть» для себя Другого как активного участника (а не исполнителя), сделав, тем самым, понятным его для себя. Автор шутки с интересом наблюдает за последствиями своей игровой провокации. «Сложность двустороннего акта познания – проникновения. Активность познающего и активность открывающегося (диалогичность)» (Бахтин, 1986, С. 429–430).

В-вторых, индивидуальное сознание, привлекая шутку как культурную знаково-символическую форму, обретает не только культурное «средство», но и формообразующую структуру, сопричастие которой перестраивает весь процесс понимания отношений. «Очень важно не только обучение каким-то знаниям, а такое изменение принципов мышления, которое меняет характер от эгоцентрического» (Гальперин, 2002, С. 175) к объективной позиции определения сущности происходящего, к гипотетичности собственной мысли. Не случайно, в обывательской психологии мы можем услышать рекомендацию: «отнесись к этому с чувством юмора». Ведь здесь предполагается не психотерапевтическое отреагирование переживания, а попытка нового взгляда на ситуацию и себя в ней, которая в дальнейшем становится общим способом миропонимания, построения картины мира. «Человек «отчуждается» от самого себя, смотрит на себя как бы со стороны, находит смеш-

Разворачиваемая через шутку оперативная схема мышления позволяет целостно-эвристично-интенционально подвести себя и другого к пониманию складывающихся межличностных отношений и себя в них

иваются и сочетаются два сознания (я и другого); здесь я существую для другого и с помощью другого. История конкретного самосознания и роль в ней другого. Отражения себя в другом» (Бахтин, 1986, С. 429–430).

Во-вторых, обращенность шутки, присутствие в ситуации ее адресата, который «оказывается субъектом будущего действия» (Коншина, 2006, С. 20). Шутка

ное в себе самом, и эта вначале чисто интеллектуальная операция отчуждения (одно из высших проявлений сознания) смещает его «эмоциональную равнодействующую» в положительную сторону. Если же человек к тому же и остроумен, то в этой ситуации он может создать словесную остроту» (Лук, 1968, С. 42).

В-четвертых, шутке присуща «двойко-событийность дискурсивных практик»:

референтное событие и коммуникативное событие (Тюпа, 2009). Референтная сторона события рассказывания отражает его предметно-тематическую сущность (о чем говорится). «Всякий текст – если не эксплицитно, то по крайней мере имплицитно – аксиологичен, он волею или неволею манифестирует некую систему ценностей» (Тюпа, 2001, С. 24). В коммуникативном событии рассказывания шутки участником становится сам слушатель-читатель. «В итоге именно читатель должен «сочинить» для себя то, что он намерен делать с реальным текстом (то есть, референтной стороной события – прим. автора)» (Bruner, 1986, Р. 24). Уникальность ситуации опосредованности взаимодействия через шутку такова, что ее адресат является свидетелем собственного выбора в реакции на вновь обнаруживаемый ценностно-смысловой контент шутки и осуществляет перемещение с «ландшафта смысла» на «ландшафт действия». Таким образом, предложенная «мост-опора» в шутке обеспечила переход от действия одного человека к действию другого, предварительно привнеся что-то новое в понимание себя как субъекта действия.

Заметим, что выделенные характеристики релевантны критериям инструментальности, описанным выше. Таким образом, шутка как знаково-символическая конструкция организует место встречи посреднического смехового действия, которое «строится как преодоление человеком собственных стереотипов и наличных обстоятельств действий других людей» (Эльконин, 1994, С. 109–110). Разворачиваемая через шутку оперативная схема мышления позволяет целостно-эвристично-интенционально подвести себя и другого к пониманию складывающихся межличностных отношений и себя в них – «мы смеемся, когда в нашем сознании положительные начала человека заслоняются внезапным открытием скрытых недостатков, вдруг открывающихся сквозь оболочку внешних, физических данных» (Пропп, 1976, С. 146).

В данной статье мы изложили лишь общие черты тех положений, которые в дальнейшем хотим исследовать. Безусловно, проектирование самого процесса конструирования комического и шутки, в частности, требует дополнительного осмысления.

Литература:

- Арбитаило, А.М. Этнические предрасположения и возможности юмора для их преодоления : автореферат дис. ... канд. психол. наук; [Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. – Москва, 2008. – 29 с.
- Афанасьев А.И., Василенко И.Л. Нарративные основания смешного [Электронный ресурс] // Доџа/Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Вип. 9. Семантичні й герменевтичні виміри сміху. : [сайт]. URL: http://doxa.opu.edu.ua/doxa_9.htm – (дата обращения 25.07.2017).
- Барский Ф.И. Встреча, нарратив и интерпсихическая форма: дискуссия с доктором психологических наук Б.Д. Элькониным о первом номере журнала «Постнеклассическая психология» [Электронный ресурс] // Постнеклассическая психология. – 2005. – № 1. : [сайт]. URL: http://narrativepsy.narod.ru/num1-2005_140.html – (дата обращения 22.07.2017).
- Барский Ф.И. Определения и структура нарратива [Электронный ресурс] // О нарративной практике, терапии и работе с сообществами – по-русски : [сайт]. URL: <https://narrlibrus.wordpress.com/2009/08/16/def-structure/> – (дата обращения 23.07.2017).
- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Ренессанса и Средневековья : монография. – Москва : Художественная литература, 1990. – 543 с.
- Бахтин М.М. Очерки времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической риторике // Вопросы литературы и эстетики. – Москва : Художественная литература, 1975. – С. 234–407.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров. – Москва : Искусство, 1986.
- Бредво И.Ф. Механизмы разрешения неоднозначности в шутке : автореферат дис. ... канд. филол. наук; [Твер. гос. ун-т]. – Тверь, 1999. – 18 с.
- Брунер Дж. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. – 2005. – № 1(2). – С. 9–29.
- Бороденко М.В. Комическое в системе установочной регуляции поведения : автореферат дис. ... канд. психол. наук; [Московский гос. ун-т]. – Москва : МГУ, 1995. – 24 с.
- Буенок А.Г. Юмор как фактор профессионального здоровья менеджеров : автореферат дис. ... канд. психол. наук; [С.-Петерб. гос. ун-т]. – Санкт-Петербург, 2014. – 22 с.
- Буякас Т.М. Личностное развитие в условиях работы самопонимания, опосредствованной символами // Вопросы психологии. – 2000. – № 1.– С. 96–108.
- Винокур В.А. Балинтовские группы: история, технология, структура, границы и ресурсы : учебное пособие. – Санкт-Петербург : СпецЛит, 2015. – 191 с.
- Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. – Москва : Изд-во АПН РСФСР, 1960. – 450 с.
- Гальперин П.Я. К проблеме внимания // Доклады АПН РСФСР. – 1958. – № 3.
- Гальперин П.Я. Лекции по психологии : учебное пособие для студентов вузов. – Москва : Книжный дом «Университет»; Высшая школа, 2002. – 400 с.
- Дедов Н.П. Диагностирующая и регулирующая роль юмора в экстремальных условиях : дис. ... канд. психол. наук; [Московский гос. ун-т]. – Москва, 2000. – 224 с.
- Дмитриев А.В., Сычев А.А. Смех: социофилософский анализ. – Москва : Альфа-М, 2005. – 594 с.
- Домбровская И.С. Юмор в контексте развития. – Montreal : Изд-во Accent Graphics Communications, 2014. – Электронная версия. – Режим доступа: <https://reader.bookmate.com/uZYmdkfs> – (дата обращения 12.03.2019).
- Егорова А.А. Феномены построения способа действия // Культурно-историческая психология. – 2009. – № 1.– С. 96–102.
- Елфимова М.М. Особенности чувства юмора у учителей с разным уровнем развития диалогичности межличностных отношений // Вопросы психологии. – 2015. – № 6.– С. 38–46.
- Знаков В.В. Психология понимания: проблемы и перспективы. – Москва : Институт психологии РАН, 2005. – 448 с.
- Знаков В.В. Теоретические основания психологии человеческого бытия // Психологический журнал. – 2013. – № 2. – С. 29–38.
- Иванова Е.М., Ениколопов С.Н., Митина О.В. Нарушения чувства юмора при шизофрении и аффективных расстройствах // Вопросы психологии. – 2008. – № 1. – С. 45–57. И переставить ее по алфавиту перед Кондратьевым!
- Кондратьев М.Ю., Ильин В.А. Азбука социального психолога-практика. – Москва : ПЕР СЭ, 2007. – 464 с.
- Коншина С.Г. Комический текст в аспекте его структурирования и понимания : автореферат дис. ... канд. филол. наук; [Гос. инс-т русского языка имени А.С. Пушкина]. – Москва, 2006. – 24 с.
- Копылкова Е.А. Анекдот как средство переживания национальной идентичности (на материале анализа еврейских анекдотов) : автореферат дис. ... кандидата психологических наук; [Моск. гор. психол.-пед. ин-т]. – Москва, 2006 – 25 с.
- Кутепова Н.Г. Снижение тревожности у дошкольников посредством формирования у них восприятия и конструирования комического : автореферат дис. ... канд. психол. наук; [Казан. гос. техн. ун-т им. А. Н. Туполева]. – Казань, 2001. – 20 с.
- Лук А. О чувстве юмора и остроумии. – Москва : Искусство, 1968. – 192 с.
- Макадамс Д.П. Психология жизненных историй // Методология и история психологии. – 2008. – № 3. – С. 135–166.
- Месропова О.М. Структурный, прагматический и содержательный аспекты текстотипов анекдот и шутка (на материале американских текстов) : автореферат дис. ... канд. филол. наук; [Российский гос. педагогич. ун-т имени А.И. Герцена] – Санкт-Петербург, 1999. – 18 с.
- Нартова-Бочавер С.К., Силина О.В. Динамика развития психологических границ на протяжении детства // Актуальные проблемы психологического знания. – 2014. – № 3.– С. 13–28.
- Обухова Л.Ф. Теория П.Я. Гальперина – становление новой отрасли психологии // Культурно-историческая психология. – 2010. – № 4. – С. 4–10.
- Преображенская А.О. Автобиографический нарратив как опосредующее звено формирования позиции субъекта // Сибирский

- психологический журнал. – 2009. – Вып. 32. – С. 29–33.
- Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. – Москва : Искусство, 1976. – 183 с.
- Род М. Психология юмора. – Санкт-Петербург : Питер, 2009. – 288 с.
- Сарбин Т. Нарратив как базовая метафора для психологии // Постнеклассическая психология. Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода. – 2004. – № 1. – С. 6–28.
- Стефаненко Е.А., Ениколопов С.Н., Иванова Е.М. // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 2014. – № 114(1). – С. 26–29.
- Стефаненко Т.Г. Этнопсихология : учебник для студентов высших учебных заведений. – Москва : Аспект Пресс, 2014. – 350 с.
- Турушева Ю.Б. Нарратив как культурный медиатор развития личности: взгляд сквозь призму культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. – 2016. – Т. 12. – № 2. – С. 24–32.
- Тюпа В.И. Дискурсивная практика теоретического мышления // Критика и семиотика. – 2009. – Вып. 13. – С. 142–151.
- Тюпа В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А.П. Чехова) // Литературный текст: проблемы и методы исследования. Приложение. Серия «Лекции в Твери». – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2001. – 58 с.
- Уайт М. Карты нарративной практики: введение в нарративную терапию. – Москва : Генезис, 2010. – 326 с.
- О.В. Щербакова Несмешно и непонятно: восприятие жанровых особенностей анекдота современными молодыми взрослыми // Вопросы психолингвистики. – 2019. – 1(39). – С. 165–181. doi: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-165-181
- Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. – Москва, 1989.
- Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л.С. Выготского). – Москва : Тривола, 1994. – 168 с.
- Attardo, S. (1998) Theanalysis of humorous narratives. *Humor*, 22(3), 231–260.
- Bruner, J. (1987) Lifeas narrative. *SocialResearch*, 54(2), 11–32.
- Bruner, J. (1986) Actual minds, possible worlds. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Fludernik, M. (2006) An introduction to narratology. London; New York: Routledge, 200 p.
- Salameh, W.A. (1983) Humor in psychotherapy: Past outlooks, present status, and future frontieers. In P.E. McGhee & J.H. Goldstein (Eds.) *Handbook of humor research*. Vol. 2. Applied studies. N.Y., Springer-Verlag, 61–88.
- Yip, J.A. & Martin, R.A. (2006). Sense of humor, emotional intelligence, and social competence. *Journal of Research in Personality*, 40, 1202–1208. doi: 10.1016/j.jrp.2005.08.005

References:

- Afanasyev A.I. & Vasilenko I.L. The narrative bases of the funny. [Δοξα / Doksa. Zbirnik naukovih prats z filosofi and ta filologii]. Issue 9. Semantic hermeneutical laughter. Retrieved from: http://doxa.onu.edu.ua/doxa_9.htm (accessed 07.25.2018).
- Arbitaylo A.M. (2008). Ethnic prejudices and possibilities of humor for overcoming them: dissertation author's abstract for the degree of candidate of psychol. sciences. Moscow. Retrieved from: <https://narlibrus.wordpress.com/2009/08/16/def-structure/> (accessed 07.23.2018).
- Attardo, S. (1998). Theanalysis of humorous narratives. *Humor*, 22(3), 231–260.
- Barsky F.I. (2005). Meeting, narrative and interpsychic form: discussion with the doctor of psychological sciences B.D. Elkonin about the first issue of the journal "Post-non-classical psychology". [Postnonclassicheskaya psikhologiya]. Retrieved from: http://narrativepsy.narod.ru/num1-2005_140.html – (appeal date 07.22.2018).
- Barsky F.I. Definitions and structure of the narrative. [O narrativnoy praktike, terapii i rabote s soobshchestvami – po-russki]. Retrieved from: 08/16/def-structure/ (accessed 07.23.2018).
- Bakhtin M.M. (1990). Creativity Francois Rabelais and the folk culture of the Renaissance and the Middle Ages: a monograph. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 543.
- Bakhtin M.M. (1975). Essays of time and chronotope in the novel. Essays on historical rhetoric. [Voprosy literatury i estetiki]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 234–407.
- Bakhtin M.M. (1986). Aesthetics of verbal creativity. Moscow, Iskusstvo.
- Brevdo I.F. (1999). The mechanisms of ambiguity resolution in a joke: Ph.D. in Philology Thesis. Tver, 18.
- Bruner J. (2005). Life as a narrative [Postnonclassicheskaya psikhologiya], 1(2), 9–29.
- Bruner, J. (1987) Life as narrative. *Social Research*, 54(2), 11–32.
- Bruner, J. (1986) Actual minds, possible worlds. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Borodenko M.V. (1995). Comic in the system of installation regulation of behavior: Ph.D. in Psychology thesis; Lomonosov Moscow State University. Moscow, MGU, 24.
- Buenok A.G. (2014). Humor as a factor in the professional health of managers: Ph.D. in Psychology thesis. St. Petersburg, 22. Retrieved form: https://newdissler.ru/_avtoreferats/01007576990.pdf (accessed 07.23.2018).
- Buyakas T.M. (2000). Personal development in terms of the work of self-understanding, mediated by symbols. [Voprosy psikhologii]. 1, 96–108.
- Galperin P.Ya. (1958). On the issue of attention. [Doklady APN RSFSR], 3.
- Galperin P.Ya. (2002). Lectures on psychology: textbook for university students. Moscow, «Universitet»; Vysshaya shkola, 400.
- Dedov N.P. (2000). Diagnostic and regulatory role of humor in extreme conditions: Ph.D. in Psychology thesis; Lomonosov Moscow State University. Moscow, 224.

- Dmitriev A.V. & Sychev A.A. (2005). *Laughter: a sociophilosophical analysis*. Moscow, Alfa-M, 594.
- Dombrovskaya I.S. (2014). *Humor in the context of development*. Montreal: Accent Graphics Communications Retrieved from: <https://reader.bookmate.com/uZYmdkfs>. (accessed 12.07.2018)
- Egorova A.A. (2009). Phenomena of building a mode of action. [*Kulturno-istoricheskaya psikhologiya*], 1, 96–102.
- Elfimova M.M. (2015). Features of a sense of humor in teachers with different levels of development of the dialogical nature of interpersonal relations. [*Voprosy psikhologii*], 6, 38–46.
- Elkonin B.D. (1994). *Introduction to developmental psychology (in the tradition of the cultural-historical theory of LS Vygotsky)*. Moscow, Trivola, 168.
- Elkonin D. B. (1989). *Selected psychological works*. Moscow
39. Fludernik, M. (2006) *An introduction to narratology*. London; New York: Routledge, 200.
- Ivanova E.M., Enikolopov S.N. & Mitina O.V. (2008). Disturbances of the sense of humour in schizophrenia and affective disorders. [*Voprosy psikhologii*], 1, 45–57.
- Kondratiev M.Yu. & Ilin V.A. (2007) *The ABC of social practical psychologist*. Moscow, PER SE, 464.
- Konshina S.G. (2006). *Comic text in the aspect of its structuring and understanding: Ph.D. in Philology Thesis*. Pushkin State Institute of Russian language. Moscow, 24.
- Kopylkova E.A. (2006). *Anecdote as a means of experiencing national identity (based on the analysis of Jewish anecdotes)*. Moscow, 202. Retrieved from: <https://www.disserscat.com/content/anedkot-kak-sredstvo-perezhivaniya-natsionalnoi-identichnosti-na-materiale-analiza-evreiskik> (accessed 23.07.2018).
- Kutepova N.G. (2001). *Reducing anxiety in preschool children through the formation of their perception and design of the comic: Ph.D. in Psychology Thesis*; Tupolev Kazan state technical university, Kazan, 20.
- Luk A. (1968). *On the sense of humour and wit*. Moscow, Iskusstvo, 192.
- Mcadams D.P. (2008). *Psychology of life stories. [Metodologiya i istoriya psikhologii]*, 3, 135–166.
- Mesropova O.M. (1999). *Structural, pragmatic and informative aspects of text types anecdote and joke (on the material of American texts): Ph.D. in Philology Thesis*. Gerzen Russian state pedagogical University, St. Petersburg, 18.
- Nartova-Bochaver S.K. & Silina O.V. (2014). Dynamics of the development of psychological boundaries throughout childhood. [*Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya*], 3, 13–28.
- Obukhova L.F. (2010). Theory of P.Ya. Galperin – the development of a new branch of psychology. [*Kulturno-istoricheskaya psikhologiya*], 4, 4–10.
- Preobrazhenskaya A.O. (2009). *Autobiographical narrative as a mediating link in the formation of a subject's position. [Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal]*, 32, 29–33.
- Propp V.Y. (1976). *The issues of comedy and laughter*. Moscow, Iskusstvo, 183.
- Rod M. (2009). *Psychology of humor*. St. Petersburg, Piter, 288.
- Salameh, W.A. (1983) *Humor in psychotherapy: Past outlooks, present status, and future frontieers*. In P.E.McGhee & J.H. Goldstein (Eds.) *Handbook of humor research*. Vol. 2. Applied studies. N.Y., Springer-Verlag, 61–88.
- Sarbin T. (2004). Narrative as a basic metaphor for psychology. [*Postnonclassicheskaya psikhologiya. Zhurnal konstruksionistskoy psikhologii i narrativnogo podkhoda*], 1, 6–28.
- Shcherbakova O.V. (2019). Not funny and not comprehensible: the perception of the genre features of the anecdote by modern young adults. [*Voprosy psikhologingvistiki*], 1(39), 165–181. doi: 10.30982 / 2077-5911-2019-39-1-165-181
- Stefanenko T.G. (2014). *Ethnopsychology: a textbook for university psychology students*. Moscow, Aspekt Press, 350.
- Turusheva Yu.B. (2016). Narrative as a cultural mediator of personality development: a look through the prism of cultural-historical psychology. [*Kulturno-istoricheskaya psikhologiya*], 12(2), 24–32.
- Tyupa V.I. (2009). Discursive practice of theoretical thinking. [*Kritika i semiotika*], 13, 142–151.
- Tyupa V.I. (2001). Narratology as an analyst of narrative discourse (“The Arhiereus” by A.P. Chekhov). [*Literaturnyy tekst: problemy i metody issledovaniya. Prilozhenie. Seriya «Lektsii v Tveri»*]. Tver: Tverskoy gosudarstvennyy universitet, 58.
- Vinokur V.A. (2015). *Balint groups: history, technology, structure, boundaries and resources: study guide*. St. Petersburg: SpecialLit, 191.
- Vygotsky L.S. (1960). *The development of higher mental functions*. Moscow, Izdatel'stvo APN RSFSR, 450.
- Yip, J.A. & Martin, R.A. (2006). Sense of humor, emotional intelligence, and social competence. *Journal of Research in Personality*, 40, 1202–1208. doi: 10.1016/j.jrp.2005.08.005
- White M. (2010). *Narrative Practice Maps: An Introduction to Narrative Therapy*. Moscow, Genesis, 326.
- Znakov V.V. (2005). *Psychology of understanding: problems and prospects*. – Moscow, Institute Psikhologii RAN, 448.
- Znakov V.V. (2013). *Theoretical Foundations of the Psychology of Human Being. [Psikhologicheskii zhurnal]*, 2, 29–38.